

Сов. Россия, — 1996 — 10 ноября

К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

МОСКВИЧУ по рождению Федору Михайловичу Достоевскому, чей 175-летний юбилей отмечается 11 ноября, суждено было прослыть самым петербургским писателем в отечественной словесности. Без Достоевского нельзя представить себе Петербург, как и без Петербурга — Достоевского. В подобной связке есть глубокий смысл, обусловленный объективными обстоятельствами биографического и творческого характера. В Петербурге Достоевский прожил и проработал в общей сложности около тридцати лет, поэтому он не мог не стать ярчайшим представителем и выразителем петербургской культуры.

Это город молодости Достоевского, его рождения и становления как писателя, его громкой славы. Здесь он познал все: и нужду, и радость первой публикации, и увлеченность идеями утопического социализма (в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского), и дыхание смерти (арест, Петропавловская крепость и «обряд» казни на Семеновском плацу, в последний момент замененной каторгой и ссылкой), и тепло семейного очага (жизнь на своей помощнице-стенографистке Анне Григорьевне Спиткиной, ставшей для него самым близким и преданным другом), и тяжелые утраты (смерть двух малолетних детей), и трагические переживания, доходящие до отчаяния, и изнурительные хлопоты журналистской, публицистской работы («Время», «Эпоха», «Гражданин», «Дневник писателя»), и каторжный труд романиста, и приступы преследовавших его болезней, и «косые лучи заходящего солнца», и многое другое.

Петербургом пропитаны едва ли не все романы, повести, рассказы, очерки, фельетоны и статьи Достоевского: этот загадочный город, любимый и разоблачаемый им, выступает и местом действия большинства его произведений: «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохорчин» (все — 1846), «Хозяйка», «Роман в девяти письмах», «Петербургская летопись» (все — 1847), «Ползунков», «Слабое сердце», «Чужая жена и муж под кроватью», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи» (все — 1848), «Нечотка Незванова» (1849), «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Униженные и оскорбленные» (оба — 1861), «Скверный анекдот» (1862), «Записки из подполья» (1864), «Крокодил» (1865), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Вечный муж» (1870), «Маленькие картинки» (1873), «Подросток» (1875), «Столетня», «Кроткая», «Мальчик у Христа на елке» (все — 1876) и другие, и выразительным социально-психологическим фоном-пейзажем, и равноправным художественным героем, и негласным «соавтором» писателя.

В «Петербургской летописи», в которой дается одно из первых философско-идеологических обоснований темы Петербурга, Достоевский выступает союзником В. Г. Белинского, полемизировавшего со славянофилами: он признает и приветствует главную идею Петра Великого, «прдумавшего» северную столицу, он полностью доверяет «современному моменту и идее настоящего момента». Автор шик-а фельетонов смотрит в будущее с нескрываемым оптимизмом: «И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще создается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петра, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следовательно, все начинают жить. Все — промышленность, торговля, наука, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни, — все живет и поддерживается одним Петербургом. Все, что даже не хочет рассуждать, уже слышит и ощущает новую жизнь и стремится к новой жизни».

Здесь Достоевский защищает «настоящий момент», видя в нем не «исчезновение национальности», а «торжество национальности»; ратует за изучение истории города, запечатленной в великолепных зданиях, дворцах и монументах; спорит с теми, кто навязывает мнение о «бесхарактерности» петербургской архитектуры (например, «пресловутый турист» из Франции маркиз де Кюстин), и т. д. Даже к петербургскому климату он проявляет известную снисходительность, говоря о возможности наслаждаться местной природой, способной радовать мимолетным очарованием.

Впрочем, Достоевский далек от того, чтобы поставить точку на этом приятном и удивительном мите и на констатации «силы и блага направления Петра». Ведь Петербург для него — «больной, странной и угрюмой» город, где «так скоро гибнет молодость, так скоро вынут надежды, так скоро портится здоровье и так скоро переработывается весь человек», город, который «гораздо более расстроено здоровьем, чем карманом» и от которого отворачиваются солнце, норовя спрятаться за свиновые туши. Уже в «Петербургской летописи» встречается столь характерное для Достоевского описание сырого туманного утра: «Петербург встал злой и сердитый, как раздраженная светская дева, пожелтевшая со злости на вчерашний бал. Он был сердит с ног до головы».

За утверждающим пафосом фельетонов «Петербургской летописи» проглядывает усиление критического отношения Достоевского к окружающей действительности. И дело не только в палитре и тональности городских пейзажей. Еще более важна социология города, которая станет предметом особого внимания писателя-реалиста. Именно в «Петербургской летописи» нарисован образ «фланера-мечтателя», без которого невозможно представить себе «Петербург Достоевского»: «А знаете ли, что такое мечтатель, господа? Это кошмар петербургский, это олицетворенный грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми ужасами, со всеми катастрофами, перипетиями, завязками и развязками. — и мы говорим это вовсе не в шутку». Явившись своего рода творческой лабораторией для молодого литератора, «Петербургская летопись» как бы подготавливала произведения, созданные Достоевским до его осуждения по делу петрашевцев и опубликованные в основном в 1848—1849 годах: «Ползунков», «Слабое сердце», «Чужая жена и муж под кроватью», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи», «Нечотка Незванова» и «Маленький герой». В некоторых из этих сочинений тема Петербурга уже играет довольно существенную роль.

НЕ БУДЕТ преувеличением сказать, что аура и внешний облик Петербурга, прежде всего его архитектура («Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну», — читаем в «Идиоте»), наложили определенный отпечаток на поэтику и структуру (архитектонику) произведений писателя, который с юношеских лет — во многом благодаря нежеланному обучению в Главном Инженерном училище — приобрел чувство формы, отточил свой пространственный глазомер, познал город во всех его ипостасях, присматриваясь и к прохожим, и к улицам, и к площадям, и к мостам, и к храмам, и к дворцам, и к особнякам, и к трактирам, и к кафеям, и к магазинам. В его сочинениях мы часто встречаем не только выразительнейшие городские пейзажи, но и бесподобные «портреты», «характеры» отдельных зданий, будь то рогожский дом в «Идиоте» или «обжигенный» домик в «Белых ночах». По и сей день петербургские дома оспаривают свое право называться «домом Раскольникова», «домом процентщицы» и т. д. С большей или меньшей долей вероятности можно отыскать конкретные, «документальные» места, отраженные в любом «петербургском» произведении Достоевского.

Примечательно также, что на полях своих рукописей он нередко рисовал готические башни и иные архитектурные сооружения.

Достоевский не сомневался в том, что даже «экстерьер» города (размеры зданий, их фасады, их дворы, их подъезды, их лестницы и т. д.) оказывает большое воздействие на формирование характера человека, на мироучастие и строй мыслей последнего. Не случайно герои его произведений постоянно ощущают на себе влияние уличной обстановки, дома, квартиры или комнаты. Да и у самого писателя был целый ряд причуд: он, например, довольно часто менял адреса (за время жизни в Петербурге он переезжал около двадцати раз), предпочитал угловые дома и перекрестки, любил жить по соседству с церковью или собором, боялся тесных помещений, нанимал — несмотря на материальные затруднения — только просторные квартиры. Некоторыми из этих прихотей он поделился и своих персонажей.

Неспроста Достоевский воздерживался от изображения центра Петербурга, сосредоточивая основное внимание на окраинных районах, где обитают «бедные люди», «униженные и оскорбленные». При этом он много места

давал его миди». Эту «выбранку» испытал на себе прежде всего Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский. Столкновение двух правд (правды Медного Всадника и правды Евгения), создание образа «бедного», «несчастного» Евгения, трагическое разрешение конфликта — здесь находятся истоки как «Петербург Гоголя», так и «Петербург Достоевского».

Н. В. Гоголь сделал следующий шаг по пути, намеченному Пушкиным: в цикле петербургских повестей («Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего», наброски «Страшная рука», «Фонарь умирал...») он показал столицу глазами бедного художника-разночинца и рядового чиновника. «Петербург Гоголя» — это город двойной жизни, глубоких социальных контрастов, это город гнетущего, прозаического быта и захватывающей фантастики. Автора названных повестей и «Петербургских записок 1836 года» меньше всего интересуют архитектурные и прочие красоты города (не случайно у Гоголя почти нет прямых, развернутых описаний картин столицы). Он обозначен прежде всего тем, чтобы ухватить и передать социально-нравственную суть Петербурга. Этим обусловлены и выбор героя («маленький человек»), и характер конфликта (равнодушие «казарменного», «казенного» города к страданиям простых жителей), и «сумеречный», «ночной» колорит.

От «гоголевского Петербурга» с его гуманистической болью за человека, с его «раздвоенностью», с его ярко выраженной социальной окраской — один шаг до «Петербург Достоевского», который, в свою очередь, весьма соучастен «Петербургу Некрасова». В 40-е годы XIX века процесс демократизации, наблюдавшийся в русской литературе уже давно, достиг едва ли не самой высокой отметки. Через «физиологический очерк» утверждалась «натуральная школа», выдвигавшая на передний план «город бедный» и его обитателей — «униженных и оскорбленных», «мечтателей», «парадоксалистов» и т. п. В центре внимания писателей оказались окраинные кварталы города, заселенные петербургской голью. Традиционная для отечественной литературы тема Петербурга неизбежно приобрела трагическое (с оттенком «сентиментального натурализма») звучание. Авторов очерков, рассказов, повестей и романов волновали прежде всего нравственные страдания социально униженной личности. Много места уделялось им и «физиологии Петербурга». При этом город рассматривался как виновник человеческих бед, как инициатор и стимулятор разыгрывавшихся семейных драм, как недоброжелатель «униженных и оскорбленных». В период небывалого допоре «помрачения образа» столицы и возник «Петербург Достоевского», впитавший в себя некоторые провидческие элементы «пушкинского» и «гоголевского Петербурга» и далекий от однозначности и неизменности.

Но дело не только в закономерностях литературного развития (торжество «натуральной школы», реализма, демократизация героя, стили, предметов изображения, усиление гуманистического пафоса и т. д.), но только в известном упадке-закате Петербурга в послепушкинскую эпоху (угасание и отчуждение лика города происходило во всех сферах и на разных уровнях), но только в опоре на многомерный образ Петербурга, созданный великими предшественниками автора «Бедных людей» — Пушкиным и Гоголем. Первостепенное значение, конечно же, имела человеческая и творческая индивидуальность Достоевского.

В упоминавшихся уже «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» находим весьма красноречивое признание: «...на все можно взглянуть своим собственным взглядом, скрепить свою собственную мыслью, сказать свое слово, новое слово». Огромный, ослепительный талант (редчайший дар от Бога!), уникальный характер мировосприятия, особый угол зрения на действительность, специфическая нравственно-философская и национально-историческая концепция человека, своеобразная личность писателя (обостренное чувство несправедливости, и не только социальной, одержимость гуманистической идеей, тончайшая душевная организация, повышенное внимание к слезам и страданиям, паразитная озлобленность судьбой России и др.), оригинальные образительные средства и приемы, языковая раскрепощенность, опора на факт в сочетании с богатейшей художественной фантазией — все это позволило Достоевскому сказать «новое слово» — в отечественном и мировом искусстве, сотворить свой неповторимый Петербург.

КАКОВ ОН — «Петербург Достоевского»? Ответ на этот вопрос не так прост и однозначен, как кажется. На первый взгляд (в том числе и ученым, умеющим подбирать соответствующие цитаты). Продолжая традиции отечественной литературы, Достоевский стремится обаять душу помраченного, переродившегося Петербурга 1840—1870-х годов. И душа этого «самого фантастического», «самого угрюмого», «самого отвлеченного и самого умышленного города в мире» многомерна, таинственна и весьма осязаема. Она имеет свое «подполье». Кроме того, она странном образом взаимодействует с душами петербургских жителей: тусклым, скучным, больной и сыктонко-гуманный город оказывает прямое влияние на чувства, мысли, поступки и судьбы всех петербургских героев Достоевского.

Натуральность, конкретность «Петербург Достоевского» в значительной степени обусловлена тем, что писатель-философ при всей своей склонности к «фантастическому», «психологическому» реализму, к вечным проблемам бытия испытывал большую тягу к быту, «физиологии» города, к освещению «проклятых» вопросов жизни. В его «петербургских» романах, повестях, рассказах, очерках, фельетонах и пьесах — трагическая суть действительности, обилие социальных, семейных и душевных драм, страшные плоды подавления личности, борьба добра и зла, света и тьмы и т. д.

«Город пыльный», пафанный и «раззолоченные палаты» отталкивали Достоевского, ибо, по его убеждению, не они выражали соль тогической российской жизни. Писателю было ближе город париев и бедняков, поэтому своих героев он, как правило, селил в непрестижных, «пролетарских» районах и в самых бедных домах, квартирах и комнатах. «Петербург Достоевского» — это Сенной рынок, дощатые дома вдоль Фонтанки, Столярный переулок, Мещанские, Подъяческие и им подобные улицы. Через правду факта, через призму «физиологии» (метафор «натуральной школы») и бытописательства, путем беспощадного социального анализа Достоевский-урбанист проник в самые потаенные уголки души подлинного Петербурга, в ее «подполье». А в этой противоречивой, насальной душе города отразились проза, отчаяние и трагизм России 40—70-х годов прошлого века.

«ПЕТЕРБУРГ Достоевского» — это целый мир, сложный, противоречивый, таинственный, развизивающийся по своим внутренним законам. Этот мир видоизменялся в зависимости от времени создания того или иного произведения, от его концепции, от творческой эволюции Достоевского, от его философско-исторических взглядов и установок (отношение к петровским преобразованиям, к «современному моменту и идее настоящего момента»), от его жанровых и стилевых пристрастий и, наконец, от его душевного состояния.

В «Петербургской летописи» о новой столице рассказывается преимущественно в мажорных тонах. Безрадостный колоритом и в то же время какой-то болезненной поэзией отличаются «Бедные люди», содержащие подробные описания жилищ петербургской бедноты. Лирической дымкой подернуты «Белые ночи», где так значителен элемент «мечтательности».

Мотивы «двойничества» и «мечтательства» пронизывают «Нечотку Незванову» и многие «чиничины» рассказы и повести 40-х годов («Двойник», «Господин Прохорчин», «Хозяйка» и др.). Почти для всего творчества Достоевского характерно и восприятие Петербурга как некоего «сна», «видения», фантазмагории («Слабое сердце», «Петербургские сновидения в стихах и прозе» и др.); автору и его героям иногда казалось, что Петербург представляет собой нечто зыбкое, что он — как искусственно созданный, «умышленный» город — может столь же неожиданно исчезнуть, как и родился волею Петра Великого. В произведениях 60—70-х годов («Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот», «Вечный муж», «Кроткая» и др.) доминируют трагические краски: перед читателем обнажается «отвратительный и грустный колорит» северной столицы. Загробный Петербург, где та же «суэта суетствий», возникает в фантастическом рассказе «Бобок» (1873).

Роман «Подросток» — последнее крупное произведение Достоевского, где лана, пожалуй, еще более широкая панорама жизни Петербурга, чем даже в «Преступлении и наказании». Не без оснований А. А. Блок называл его самым петербургским романом. Характер героя, от лица которого ведется повествование, своеобразие композиции позволили писателю с поразительной полнотой осветить неоднозначный лик столицы. В уста Аркадия Долгорукого, которого автор «заставляет» без конца путешествовать по городу, заходить и в богатые квартиры аристократов, и в маленькие, жалкие комнаты бедняков, и в грязные трактиры и наблюдать различные уличные эпизоды и сцены, Достоевский вкладывает выразительнейшие характеристики Петербурга.

«Подросток» получает свое завершение образ города-миража, звучащий как проклятие Петербургу, враждебному человеку и имеющему признаки оборотня.

Предчувствие подобной фантазмагории ощущается и в «Слабом сердце», и в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе», и в «Маленьких картинках», и в некоторых других произведениях Достоевского конца 40-х — начала 70-х годов.

Несмотря ни на что, Достоевский понимал, что красота и величие города на Неве не подлежат сомнению. Ему был бесконечно дорог Петербург, он неизменно ощущал какую-то фатальную связь с ним. Да, Достоевский не раз говорил — и устами своих героев, и от себя — о неприятной новой столице и даже о ненависти к ней, ибо слишком многое отталкивало в облике и атмосфере Северной Пальмиры (терзала душу и история возникновения Петербурга, построенного на страданиях и костях тысяч людей). Да, Достоевский нередко чувствовал себя одиноким, неприкаянным и обреченным в этом городе, поражаемом, с одной стороны, внешним величием, а с другой — неприглядной изнанкой, страшным «подпольем». Однако художник, прозревший душу Петербурга, постоянно тянулся к нему и не мыслил себя вне его. Все его длительные разлуки с Петербургом носили вынужденный характер. У Достоевского была «странная любовь» к Петербургу (подобное чувство было хорошо знакомо многим писателям послепушкинской эпохи, будь то Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, А. А. Григорьев, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский или В. М. Гаршин). Из-за этого притяжения-отталкивания, из-за этой пытки-любви Достоевский вынужден был до конца своих дней преодолевать одно внутреннее противоречие: покидая на какой-то срок Петербург, он скучал по нему и мечтал как можно быстрее вернуться обратно, а приехав в родной город, он вскоре начинал мучиться в нем и проклинать его...

САМЫЙ петербургский писатель, гений и пророк России, похоронен в Некрополе Александрово-Невской Лавры. На могиле, одной из самых посещаемых, установлен бюст Ф. М. Достоевского работы скульптора Н. А. Лавренченко. В более богатом и пышном надгробии, пожалуй, и не было необходимости. Ибо весь страждущий и поныне город, ставший главным героем многих произведений Достоевского, его «соавтором» и живущий надеждой на свое возрождение, служит грандиозным памятником великому мастеру слова.

Работая чаще всего на петербургском материале, Достоевский никогда не забывал ни о Москве, ни о России в целом. В этом отношении весьма показательны его рассуждения о двух столицах в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год: «Ведь уж чего бы казалось противоположное, как Петербург с Москвой, если судить по теории, в принципе Петербург-то и основан как бы в противоположность Москве и всей ее идее. А между тем эти два центра русской жизни, в сущности, ведь составили один центр, и это тотчас же, с самого же начала, с самого же преобразования, и несколько не взирая на раздвигавшиеся их некоторые характеристики. Точь-в-точь то же, что зарождалось и развивалось в Петербурге, немедленно и зорь-в-точь так же самостоятельно — зарождалось, укреплялось и развивалось в Москве, и обратно. Душа была единая и не только в этих двух городах, но в двух городах, и во всей России вместе, так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия». Эту думу обо «всей России» Достоевский пронес через всю свою трагическую жизнь, стремясь достучаться до каждого сердца и служа примером «всемирной отзывчивости».

...Один из талантливых современных писателей (кажется, В. Н. Крушин), рассуждая недавно об экономическом упадке России, справедливо заметил как бы в утешение и себе, и всем нам, что она, несмотря на все невзгоды, смогла сохранить высочайший уровень духовного развития. В самом деле, и США, и Япония, и страны Западной Европы отстают от нее на «одного Достоевского», на «одного Льва Толстого», на «одного Гоголя», на «одного Шолохова» и т. д.

Отставать лишь на «одного Достоевского» — это, согласитесь, очень много. И в осознании данного обстоятельства кроется наша надежда на то, что в очередной раз «распяты Россия» (М. А. Волошин) с годами сумеет воскреснуть и удивить мир не только своим духовно-творческим, культурным, нравственным потенциалом. Нынешний юбилей Федора Михайловича Достоевского, конечно же, пришелся на трудное, критическое («у последней черты») время. Но, вне всяких сомнений, способен приободрить нас, всеяла дополнительную веру и надежду и питая утасоющее с некоторых пор патриотическое чувство.

Петр БЕКЕДИН.

Санкт-Петербург.

Рис. Ю. СЕЛИВЕРСТОВА.